

Глава 1

Первый взгляд

То было время, когда я особенно жалел, что не сплю.
Школа.

Или вернее было бы сказать «чистилище»? Если есть искупление моим грехам, наверняка вот эти муки мне хоть как-нибудь да зачтутся. К такой скукотище я так и не привык; каждый последующий день невыносимой монотонностью превосходил предыдущий.

Пожалуй, это состояние могло бы даже считаться присущей только мне формой сна — если определять сон как бездействие между периодами активности.

Я глазел на трещины, разбегающиеся по штукатурке в дальнем углу кафетерия, и мысленно дорисовывал вокруг них узоры, которых там не было. Таков мой способ отключаться от голосов, бурлящих речным потоком у меня в голове.

Несколько сотен этих голосов я игнорировал — так скучны они были.

Если уж на то пошло, всевозможных человеческих умов я уже наслушался раньше и более чем достаточно. Сегодня мысли окружающих были поглощены заурядным событием — пополнением в узком кругу учеников. Какой же малости хватило, чтобы взбудоражить их. Я видел, как новое лицо возникает во всех ракурсах в одной мысли за другой. Обыч-

ная, ничем не примечательная человеческая девушка. Ажиотаж вокруг ее появления был удручающе предсказуем: той же реакции можно добиться от малышей, недавно научившихся ходить, показав им какую-нибудь блестящую вещицу. Половина баранов в человеческом облике уже навоображали, что втюрились в нее только потому, что она еще не успела им примелькаться. Я постарался как следует отключиться от них.

Лишь четыре голоса я заблокировал скорее из вежливости, чем из отвращения — моей семьи, двоих братьев и двух сестер, которые настолько привыкли к нехватке уединения в моем присутствии, что это редко заботило их. Я делал для них что мог. Старался по возможности не слушать.

Но, несмотря на все старания, я все-таки... знал.

Розали, как обычно, думала о себе — ее разум был стоячей водой, бедной сюрпризами. Поймав отражение своего профиля в чьих-то очках, она принялась жевать мысль о собственном совершенстве. Ни у кого другого цвет волос не был настолько близок к настоящему золотистому, никто другой не мог похвастать такой идеальной фигурой «песочные часы», ни у кого больше лицо не имело настолько безукоризненно симметричного овала. Она сравнивала себя не с присутствующими здесь людьми: подобное сопоставление было бы смехотворным и нелепым. Думала она о других, таких же, как мы, и среди них ей не находилось равных.

Обычно беззаботное лицо Эмметта кривилось от досады. Вот и теперь он провел огромной лапшей по своим черным, как эбеновое дерево, кудрям, скручивая их в кулаке. Все еще злился из-за проигранного Джасперу вчера ночью поединка. Понадобятся все его небогатые запасы терпения, чтобы дотянуть до конца учебного дня и уж тогда устроить матч-реванш. Слушая мысли Эмметта, я не считаю себя незванным гостем, потому что он никогда и не думает ничего такого, что не сказал бы вслух или не воплотил бы в жизнь. Может, только потому я и чувствую себя виноватым, читая чужие мысли, что понимаю: есть вещи, в которые эти люди не захотели бы посвящать меня. И если разум Розали — стоячая лужа, то у Эмметта он — ничем не замутненная, прозрачная, словно стекло, гладь озера.

А Джаспер... страдал. Я подавил вздох.

«*Эдвард!*» — мысленно позвала меня Элис и сразу привлекла мое внимание.

Все равно как если бы окликнула меня по имени вслух. Хорошо еще, в последние несколько десятилетий мое имя вышло из моды — раньше это здорово досаждало: стоило кому-нибудь подумать о каком-нибудь Эдварде, и я оборачивался машинально.

Теперь же не повернул головы. Нам с Элис неплохо удавались такие конфиденциальные разговоры. На них мы попадались редко. Я не сводил глаз с трещин в штукатурке.

«*Как он? Держится?*» — спросила Элис.

Я нахмурился, очертания моего рта едва заметно изменились. Ничего такого, чем я выдал бы себя, а нахмуриться вполне мог от скуки.

Джаспер сохранял неподвижность слишком долго. Не совершал свойственные людям быстрые тики, какие приходится делать всем нам — постоянно быть в движении, чтобы не выделяться: к примеру, Эмметту — теревить волосы, Розали — класть ногу на ногу то так, то этак, Элис — постукивать пальцами ног по линолеуму, а мне — поворачивать голову, разглядывая всякие трещины на стене. Джаспер выглядел парализованным, его поджарое тело оставалось прямым, словно он проглотил кол, и даже медовые волосы как будто не шевелил долетающий из вентиляции ветерок.

Внутренний голос Элис звучал тревожно, по ее мыслям я понял, что она краем глаза наблюдает за Джаспером. «*Есть причины опасаться?*» Она гляделась в ближайшее будущее, отыскивая среди видений обыденности то, которое заставит меня нахмуриться, и даже при этом не забыла подоткнуть крошечный кулачок под свой острый подбородок и время от времени моргать. И отвела со лба черную прядь своей короткой рваной стрижки.

Я слегка повернул голову влево, будто глядя на кирпичную стену, вздохнул и повернул снова — на этот раз вправо, обратно к трещинам на потолке. Наши сочли бы, что я просто изображаю человека. И только Элис поняла, что это я покачал головой.

Она расслабилась. «*Сообщи мне, если станет совсем скверно*».

Я ответил только движением глаз — вверх по потолку, затем снова вниз.

«Спасибо за это».

Даже хорошо, что ответить ей вслух я не мог. А то что бы я сказал? «Мне только в радость»? Все нет. Мне не нравилось прислушиваться к терзаниям Джаспера. Обязательно ли было в самом деле ставить такие опыты? Разве не безопаснее просто признать, что он никогда не научится справляться со своей жадностью так, как умеем мы, остальные, и впредь не зарываться? Зачем играть с огнем?

После нашей предыдущей охотничьей экспедиции прошло две недели. Для нас это время выдалось не особо трудным. Порой немного некомфортным — когда человек проходил слишком близко или ветер дул не в ту сторону. Но слишком близко люди проходят редко. Инстинкты подсказывают им то, что никогда не поймет их рассудок: мы — опасность, которой следует избегать.

Прямо сейчас Джаспер был невероятно опасен.

Такое случалось нечасто, но время от времени я поражаюсь безразличию людей вокруг нас. Мы привлекли к нему, всегда ожидали его, однако порой оно выглядело более вопиющим, чем обычно. Никто из людей не обращал внимания на нас, расположившихся здесь, в кафетерии, за раздолбанным столом, хотя, окажись на нашем месте стая тигров, она представляла бы не столь смертельную опасность. Все, что видели в нас окружающие, — пятерых ребят странноватого вида, достаточно похожих на людей, чтобы сойти за них. Трудно было представить, как человеческим существам удастся выживать, если их чувства настолько притуплены.

В тот момент невысокая девчушка остановилась у стола, ближайшего к нашему, чтобы поболтать с подружкой. Она встряхнула короткими волосами песчаного оттенка, провела по ним пятерней. С воздухом от батарей отопления до нас долетел ее запах. Я давно привык к ощущениям, которые вызывали во мне подобные запахи, — к сухой боли в горле, к тянущей пустоте в желудке, к машинальному напряжению мышц, к обильному приливу яда во рту.

Все это были обычные и знакомые явления, и, как правило, не обращать на них внимания не составляло труда. Но теперь,

пока я следил за Джаспером, стало труднее, остро ощущались удвоенные реакции.

Джаспер дал волю своему воображению. И представлял, как это происходит, — как встает со своего места рядом с Элис и подходит к невысокой девчужке. Думал, как наклонится, будто собираясь что-то прошептать ей на ухо, и позволит себе скользнуть губами по изгибу ее горла. Воображал, как ощутит губами горячую пульсацию ее крови под непрочной преградой кожи...

Я пнул его стул.

Он встретился со мной взглядом, в его глазах мелькнуло возмущение, и он отвел их. Я слышал у него в голове стыд и мятежность.

— Виноват, — пробормотал Джаспер.

Я пожал плечами.

— Ты бы ничего не сделал, — смягчая в нем унижение, шепнула Элис. — Я же видела.

Я сдержался и не стал хмуриться, чтобы не выдать ее ложь. Нам надо держаться заодно, Элис и мне. Непросто быть белой вороной среди тех, кто и без того не такие, как все. Мы берегли секреты друг друга.

— Немного помогает, если думать о них как о людях, — подсказала Элис, и ее высокий мелодичный голос зажурчал слишком быстро и неразборчиво для слуха тех людей, которые случайно окажутся поблизости и услышат ее. — Ее зовут Уитни. У нее есть сестра — совсем малышка, она ее обожает. Ее мать звала Эсме на ту вечеринку в саду, помнишь?

— Я знаю, кто она, — отрывисто бросил Джаспер. Отвернувшись, он уставился на узкие окна под самым потолком длинного помещения. Судя по его тону, разговор был закончен.

Сегодня ему придется выйти на охоту. Глупо вот так рисковать — в попытке испытать свою силу, развить выносливость. Джаспер должен просто признать свои ограничения и ориентироваться на них.

Элис мысленно вздохнула, встала, забрала со стола свой поднос с едой — бутафорию, если так можно выразиться, — и отошла, оставив Джаспера в покое. Она поняла, что ему уже хватило моральной поддержки с ее стороны. Отношения Розали и Эмметта выглядели более явными, но именно Элис

и Джаспер знали каждую потребность друг друга, как свою собственную. Как будто тоже умели читать мысли, но только один у другого.

«Эдварг».

Рефлекторная реакция. Я обернулся на звук собственного имени, словно меня позвали, хотя это был не зов, просто мысль.

На секунду я встретился взглядом с большими шоколадно-карими человеческими глазами на бледном лице, формой напоминающем сердечко. Это лицо было мне знакомо, хотя в тот момент своими глазами я увидел его впервые. Но сегодня оно возникало в мыслях почти у всех окружающих. Новая ученица Изабелла Свон. Дочь начальника местной полиции, переселилась сюда из-за каких-то изменений ситуации с опекой. Белла. Она поправляла каждого, кто называл ее полным именем.

Я равнодушно отвернулся. Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что мое имя подумала не она.

«Все ясно, она уже запала на Калленов», — услышал я продолжение недавней мысли.

Только теперь я узнал этот «голос».

Джессика Стэнли — давненько она не досаждала мне внутренней болтовней. С каким облегчением я вздохнул, когда она преодолела свою неуместную заикленность. Было почти невозможно отделаться от ее непрерывных и нелепых грез наяву. В то время меня так и подмывало объяснить ей, что именно произойдет, если рядом с ней окажутся мои губы, а вместе с ними и зубы. Это положило бы конец ее докучливым фантазиям. Представив себе ее реакцию, я чуть не улыбнулся.

«Ни черта ей не светит, — продолжала Джессика. — Она ведь вообще никакая. Не понимаю, с чего вдруг Эрик так на нее пялится... и Майк».

От последнего имени она мысленно дрогнула. Предмет ее нового помешательства, всеобщий любимчик Майк Ньютон, ее в упор не замечал. Зато, по-видимому, очень даже замечал новенькую. Еще одно дитё тянется к блестящей игрушке. Это придало мыслям Джессики язвительность, хотя внешне она держалась приветливо, пересказывая новенькой общеизвестные сведения о моей семье. Должно быть, та расспрашивала о нас.

«Сегодня все глазают и на меня, — самодовольно думала Джессика. — Белла со мной в одном классе сразу на двух предметах — чем не удача? Спорим, Майк спросит у меня, что она...»

Я мысленно отгородился от глупого щебета, пока своей мелочностью и пошлостью она не свела меня с ума.

— Джессика Стэнли вываливает перед этой новенькой, Свон, все грязное белье клана Каллен, — чтобы отвлечься, вполголоса сказал я Эмметту.

Он еле слышно хмыкнул. «Надеюсь, старается вовсю», — подумал он.

— Вообще-то с фантазией у нее туго. Лишь легчайший намек на скандальность. И ни капли ужасов. Я даже немного расстроился.

«А новенькая? Ее тоже расстроили сплетни?»

Я прислушался, чтобы выяснить, что думает об услышанном от Джессики эта девушка, Белла. Как она воспринимает странную, бледную как мел семейку, которой сторонятся все вокруг?

Узнать ее реакцию я был просто обязан. Я, за неимением лучшего выражения, стоял на страже своей семьи. Для того, чтобы защищать нас. Если бы у кого-нибудь возникли подозрения, я бы мог вовремя предупредить остальных и найти легкий путь к отступлению. Порой такое случалось: кто-нибудь из обладателей живого воображения усматривал в нас сходство с героями книги или фильма. И, как правило, ошибался, но перебраться на новое место было проще, чем рисковать, привлекая к себе пристальное внимание. Редко, чрезвычайно редко чья-нибудь догадка оказывалась верной. Таким людям мы не давали шанса проверить их предположения. Мы просто исчезали, чтобы стать не более чем пугающим воспоминанием.

Но подобного не случалось уже несколько десятилетий.

Я не услышал ничего, хотя нацеливал внимание в ту сторону, где продолжал изливаться легкомысленный внутренний монолог Джессики. Как будто никто и не сидел рядом с ней. Как странно. Неужели новенькая пересела? Маловероятно, ведь Джессика все еще тараторила, обращаясь к ней. В растерянности я поднял глаза. Мой добавочный «слух» в проверках никогда прежде не нуждался.

И опять наши взгляды встретились — мой и взгляд широко распахнутых карих глаз. Она сидела там же, где и прежде, и смотрела на нас — в этом я не усматривал ничего удивительного, ведь Джессика продолжала кормить ее местными сплетнями о Калленах.

Со стороны новенькой думать о нас тоже было бы вполне естественно.

Но я не различал ни единого шепота.

Теплый, призывный румянец проступил на ее щеках, она потупилась, исправляя досадную оплошность — ее поймали глазающей на незнакомого человека. К счастью, Джаспер по-прежнему смотрел в окно. Даже представлять не хотелось, как отразился бы на его умении владеть собой этот мгновенный прилив крови.

Чувства так отчетливо читались на ее лице, словно были выписаны на нем словами: удивление по мере того, как она невольно замечала неявные признаки межвидовых различий — между собственным и моим видом; любопытство, с которым она выслушивала рассказ Джессики, и еще что-то... Влечение? Не у нее первой. Мы прекрасны для людей, предназначенной для нас добычи. И наконец, смущение.

Но, несмотря на всю отчетливость отражения мыслей в ее необычных глазах — необычных из-за их глубины, — я слышал лишь тишину с того места, где сидела она. Только... молчание.

Я ощутил мимолетное беспокойство.

Ни с чем подобным я еще никогда не сталкивался. Со мной что-то не так? Но я чувствовал себя в точности как всегда. Тревожась, я прислушался как следует.

Все голоса, которые я до сих пор отключал, вдруг завопили у меня в голове.

«... знать бы, какой музон ей по нраву... может, про мой новый диск при ней сказать...» — думал Майк Ньютон на расстоянии двух столиков от меня, не сводя глаз с Беллы Свон.

«Гляньте, как он на нее вылупился. Мало ему, что половина девчонок школы ждут, стоит ему только...» — язвительные мысли Эрика Йорки тоже вращались вокруг девчонок.

«...аж тошнит. Как будто она знаменитость или типа того... Даже Эдвард Каллен уставился... — На лице Лорен

Мэллори была написана такая острая зависть, что ей по любым меркам полагалось бы густо позеленеть. — *Да еще Джессика, выискалась новая лучшая подружка. Умора...*» — ее мысли продолжали сочиться ядом.

«...спорим, об этом ее спрашивают все погряз. Но болтать-то с ней хочется. Что бы такого придумать пооригинальнее?» — ломала голову Эшли Даулинг.

«...а вдруг она будет со мной на испанском...» — надеялась Джун Ричардсон.

«...куча домашки осталась на завтра! Тригонометрия да еще тест по английскому. Надеюсь, мама...» — тихоню Анджелу Вебер, в мыслях которой царило удивительное добродушие, единственную из сидящих за столом не захватила одержимость Беллой.

Я слышал их всех, слышал каждую несущественную мыслишку сразу же, едва она проносилась у них в голове. Но ни звука не долетало от новой ученицы с обманчиво приветливыми глазами.

Но я, разумеется, слышал, что она говорила, обращаясь к Джессике. Умение читать мысли не требовалось, чтобы различить ее приглушенный чистый голос в дальнем углу длинного зала.

— Тот рыжеватый парень — кто он? — донесся до меня ее вопрос, и она украдкой бросила на меня еще один взгляд, только чтобы увидеть, что я по-прежнему наблюдаю за ней, и поспешно отвести глаза.

Если у меня и успела мелькнуть надежда, что услышанный голос поможет мне уловить тембр ее мыслей, то меня сразу же постигло разочарование. Как правило, высота внутреннего и физического голосов человека совпадает. Но этот тихий застенчивый голос звучал незнакомо, не соответствовал ни одной из сотен мыслей, разносящихся по залу, — в этом я не сомневался. Совершенно новый голос.

«Ну и флаг в руки, гурында!» — подумала Джессика прежде, чем ответила на вопрос соседки:

— Это Эдвард. Он, конечно, потрясный, но лучше не трать на него время. Он ни с кем не встречается. Видно, считает, что никто из симпатичных девчонок здесь ему не пара. — И она негромко фыркнула.

Я отвернулся, пряча улыбку. Джессика и ее одноклассницы понятия не имели, как им повезло, что ни одну из них я не считал особо привлекательной.

Сквозь эту мимолетную вспышку веселья я ощущал неожиданный порыв, не вполне понятный мне. Он имел некое отношение к зловредному оттенку мыслей Джессики, о котором новенькая не подозревала... Мной овладело престранное желание встать между ними, загородить Беллу Свон от темных помыслов Джессики. Какое непривычное ощущение. Пытаясь выяснить, чем вызван этот порыв, я опять взгляделся в новенькую, на этот раз глазами Джессики. Мой пристальный взгляд привлекал слишком много внимания.

Может, все дело было в давно погребенном глубоко внутри инстинктивном стремлении защищать — сильный за слабого. Почему-то эта девушка выглядела более ранимой и хрупкой, чем ее новые одноклассницы. Ее кожа была такой тонкой, почти прозрачной, что с трудом верилось в сколько-нибудь достаточную надежность этой защиты от внешнего мира. Я видел, как ритмично пульсирует кровь в ее жилах под этой чистой бледной оболочкой... Но сосредотачивать на ней внимание мне не следовало. Я был хорошо приспособлен к жизни, которую избрал, но голод мучил меня так же, как и Джаспера, даже в отсутствие соблазнов.

Между ее бровями обнаружилась еле заметная складочка, о которой она, кажется, не знала.

Но насколько же невероятной была досада! Ведь я прекрасно видел, каких усилий ей стоит сидеть здесь, поддерживать разговор с малознакомыми людьми, находиться в центре внимания. Чувствовал ее робость по тому, как она слегка сутулила хрупкие плечи, словно ожидая, что ее в любую минуту могут резко осадить. И тем не менее я лишь видел, лишь чувствовал, лишь мог представить себе. Но от этой совершенно непримечательной человеческой девушки исходило только молчание. Я ничего не слышал. Почему?

— Идем? — шепнула Розали, прерывая мою задумчивость.

От мыслей об этой девушке я отвлекся с облегчением. Мне не хотелось и дальше терпеть неудачу — со мной такое случалось редко и тем сильнее раздражало. Не хотелось пробуждать в себе интерес к ее скрытым мыслям только потому,

что они скрыты. Несомненно, когда я разгадаю их — а я обязательно найду способ сделать это, — они окажутся такими же ничтожными и обиденными, как у любого другого человека. Не стоящими усилий, которые я потрачу, чтобы выяснить их.

— Так новенькая уже боится нас? — спросил Эмметт, все еще ждущий от меня ответа на свой предыдущий вопрос.

Я пожал плечами. Он был не настолько заинтересован, чтобы выпытывать подробности.

Мы встали из-за стола и вышли из кафетерия.

Эмметт, Розали и Джаспер притворялись старшими; они разошлись по классам. Я делал вид, будто младше их. И направился на урок биологии начального уровня, мысленно настраиваясь на скуку. Вряд ли мистер Баннер с его умственными способностями не выше средних умудрится выдать на уроке хоть что-нибудь, что удивит обладателя двух дипломов в области медицины.

В классе я устроился на своем месте и вывалил на стол книги — опять-таки бутафорские, не содержащие ничего ранее неизвестного мне. Из всех учеников только мне одному достался стол весь целиком. Людям не доставало ума *понимать*, что они меня боятся, но инстинкта самосохранения хватало им, чтобы сторониться меня.

Класс постепенно заполнялся, ученики один за другим возвращались с обеда. Я откинулся на спинку стула и стал ждать, когда пройдет время. И вновь жалеть, что лишен способности предаваться сну.

Поскольку думал я о новенькой, ее имя сразу вторглось в мои мысли, когда Анджела Вебер ввела ее в класс.

«Похоже, Белла такая же стеснительная, как и я. Могу поспорить, что сегодня ей пришлось тяжело. Сказать бы ей что-нибудь... только наверняка все равно лягну глупость».

«Да!» — мелькнуло у Майка Ньютона, который повернулся на своем месте при виде вошедших девчонок.

А с того места, где стояла Белла Свон, по-прежнему не доносилось ничего. Там, где ее мыслям следовало бы изводить и тревожить меня, зияла пустота.

А если пропало *все*? И это лишь первый симптом какой-нибудь разновидности умственного упадка?

Я часто мечтал избавиться от какофонии чужих мыслей. И стать нормальным — в пределах, доступных мне. Но теперь вдруг запаниковал. Кем я стану без своих прежних способностей? Я ни разу не слышал о таком. Надо выяснить, доводилось ли Карлайлу.

Девушка прошла по проходу мимо меня, направляясь к учительскому столу. Бедная, свободное место осталось только рядом со мной. Машинально я сгреб в стопку книги, освобождая ее половину стола. Вряд ли ей будет здесь удобно. А терпеть придется целый семестр — по крайней мере, в этом классе. С другой стороны, возможно, я, сидя рядом с ней, наконец разведу, где прячутся ее мысли... правда, раньше близкое соседство мне для этого не требовалось. И не то чтобы я рассчитывал найти что-либо достойное внимания.

Белла Свон прошла в потоке нагретого воздуха, который дул в мою сторону из вентиляции.

Ее запах обрушился на меня как боевой таран, стал подобием взрыва гранаты. Не существовало образа достаточно бурного, мощного и внезапного, чтобы сравнить с ним силу, воздействию которой я подвергся в тот момент.

В тот же миг я преобразился. Утратил всякое сходство с человеком, которым некогда был. От скудных остатков человеческого, которыми мне удавалось прикрываться долгие годы, не осталось и следа.

Я стал хищником. А она — моей добычей. И в целом мире больше не было ничего, кроме этой истины.

Не было полного класса свидетелей — мысленно я уже записал их в сопутствующие потери. Забытой оказалась тайна ее мыслей. Они не значили ничего, ибо думать ей осталось недолго.

Я был вампиром, а в ней струилась сладчайшая кровь из всех, какие мне случалось обонять за более чем восемьдесят лет.

Мне и в голову не приходило, что такой запах может существовать. Знай я об этом, давным-давно бы уже бросился на поиски. Обшарил бы всю планету, разыскивая ее. Мне представился вкус...

И жажда опалила горло потоком пламени. Во рту пересохло и запеклось, и прилив свежего яда облегчения не принес. Желудок скрутило от голода — отголоска жажды. Мышцы напряжились, готовые сработать.

Не прошло и секунды. Она все еще делала тот же самый шаг, который увел ее в подветренную сторону от меня.

Когда ее ступня коснулась пола, она скользнула глазами в мою сторону, явно пытаясь сделать это незаметно. Ее взгляд встретился с моим, и я увидел свое отражение в зеркале ее глаз.

Шок от увиденного спасал ей жизнь на протяжении нескольких самых острых мгновений.

Сама она не помогла ничем. Когда она осмыслила выражение моего лица, кровь опять прилила к ее щекам, придала коже самый лакомый оттенок, какой я когда-либо видел. От запаха густой туман затопил мой мозг. Мысли едва пробивались сквозь него. Инстинкты бушевали, беспорядочно метались, отказывались подчиняться.

Она прибавила шагу, словно понимая, что надо бежать. И от спешки сделалась неловкой — споткнулась, повалилась вперед, чуть не упала на девчонку, сидящую передо мной. Уязвимая, слабая. Даже в сравнении с другими людьми.

Я старался сосредоточиться на лице, отражение которого увидел в ее глазах и узнал, испытав отвращение. На лице чудовища у меня внутри — того самого, победа в борьбе с которым стоила мне десятков лет усилий и безупречной дисциплины. Но как же легко оно теперь вынырнуло на поверхность!

Запах вновь окутал меня, рассеял мысли и чуть не заставил сорваться с места.

Нет.

Сияясь удержаться на стуле, я стиснул пальцы под краем стола. Древесина не рассчитана на такую нагрузку. Пальцами я проломил поперечную планку под столом, ладонь наполнилась древесной трухой, а на планке остались выемки от моих сжатых пальцев.

Уничтожай улики. Так гласит непреложное правило. Я быстро выровнял пальцами края выемок, так что от них осталась лишь неровная дыра в планке и кучка трухи на полу, которую я раскидал ногой.

Уничтожай улики. Сопутствующие потери...

Я знал, что сейчас будет. Этой девушке придется сесть рядом со мной, а мне — убить ее.

Ни в чем не повинных свидетелей, находящихся в том же классе — восемнадцать других учеников и одного учителя, —

ни в коем случае нельзя отпускать после того, что они вскоре увидят.

При мысли о том, что мне надлежит сделать, меня передернуло. Даже в худшие времена мне не доводилось так зверствовать. Я никогда не убивал невинных. А теперь замышлял настоящую бойню — уничтожение двадцати человек сразу.

Чудовище, которое я видел в собственном отражении, издевалось надо мной.

С содроганием отталкивая его, я в то же время строил планы насчет того, что будет дальше.

Если я убью девочку первой, то на нее у меня останется от силы пятнадцать-двадцать секунд, прежде чем опомнятся остальные. Или чуть больше, если они не сразу сообразят, что я делаю. Она не успеет ни вскрикнуть, ни почувствовать боль; убивать ее жестоко я не стану. По крайней мере, это я смогу сделать для незнакомки с ужасающе соблазнительной кровью.

Но потом понадобится помешать остальным сбежать. Насчет окон можно не беспокоиться — они слишком узкие и высоко расположенные, чтобы служить путем к побегу хоть для кого-нибудь. Остается лишь дверь: загородить ее, и все окажутся в ловушке.

Будет медленнее и труднее, если пытаться прикончить их всех, пока они беспорядочно мечутся и сталкиваются в панике. Ничего невозможного, но шума будет много. Времени с избытком хватит для визга и воплей. Кто-нибудь наверняка услышит... и я буду вынужден за единственный черный час загубить еще больше невинных душ.

А ее кровь успеет остыть, пока я их убиваю.

Запах терзал меня, забивал горло сухой ноющей болью...

Значит, первыми — свидетелей.

В голове сложился план. Я находился в середине класса, в самом дальнем ряду. Сначала я займусь теми, кто справа от меня. По моим оценкам, за секунду я мог свернуть четыре-пять шей. Почти не поднимая шума. Правой стороне повезет: они не увидят, как я приближаюсь. Затем я метнусь вдоль переднего ряда и дальше по левой стороне класса; мне понадобится самое большее пять секунд, чтобы отнять жизнь у всех, кто здесь находится.

Достаточно долго, чтобы Белла Свон успела мельком увидеть, что ее ждет. Достаточно, чтобы ощутила страх. Достаточно, чтобы завизжала, если только не оцепенеет от шока. На единственный негромкий вопль никто не сбежится.

Я сделал глубокий вдох, и все тот же запах взметнулся пламенем в моих пересохших венах, выжигая в груди все благие порывы, на какие я еще был способен.

Она как раз оборачивалась. Еще пара секунд, и она сядет на расстоянии нескольких дюймов от меня.

Чудовище у меня в голове возликовало.

Кто-то с треском захлопнул папку слева от меня. Я не стал поднимать голову, чтобы выяснить, кто из обреченных людей сделал это, но от его движения мне в лицо ударила волна самого обычного, ничем не пахнущего воздуха.

На краткую секунду ко мне вернулась способность ясно мыслить. И за этот драгоценный миг я увидел перед мысленным взором сразу оба лица.

Одно — мое, вернее, когда-то было моим: лицо красноглазого монстра, который истребил столько народу, что я уже сбился со счета. Совершал логически обоснованные, оправданные убийства. Я был убийцей убийц, убивал других, менее могущественных чудовищ. Да, я признавал, что это комплекс бога — решать, кто заслуживает смертного приговора. Сделка с самим собой. Я питался человеческой кровью, но лишь в самом широком смысле из возможных. Мои жертвы в своем разнообразном и мрачном времяпрепровождении демонстрировали многим больше человеческого, чем было свойственно мне.

Вторым было лицо Карлайла.

Между этими двумя лицами не наблюдалось никакого сходства. Они отличались, как ясный день и самая черная из ночей.

Для сходства и не было причин. В строго биологическом смысле Карлайл не приходился мне отцом. Общих черт у нас с ним не наблюдалось. Одинаковым цветом лица мы были обязаны тому, кем оба являлись: любой вампир мертвенно-бледен. Сходство цвета глаз — другое дело: оно отражало наш совместный выбор.

Но, несмотря на отсутствие оснований для сходства, мне казалось, что за последние семьдесят с лишним лет, на про-

тяжении которых я принимал его выбор и следовал по его стопам, мое лицо в некоторой мере стало отражением его лица. Мои черты не изменились, но мне казалось, будто выражение на моем лице отчасти отмечено его мудростью, толику его сострадания можно уловить в очертании моих губ, намек на его терпение виден на моем лбу.

Все эти мизерные улучшения исчезли с лица чудовища. За считанные мгновения во мне не осталось никаких напоминаний о годах, проведенных с моим создателем, моим наставником, моим отцом во всех отношениях, какие только принимались во внимание. Теперь мои глаза горели багровым огнем, как у дьявола; никакого сходства будто и не бывало.

В добрых глазах Карлайла, которые я видел перед мысленным взором, не было осуждения в мой адрес. Я знал, что он простит мне эту мерзость. Потому что он любит меня. Потому что он обо мне лучшего мнения, чем я сам.

Белла Свон сидела рядом со мной, ее движения выглядели скованными и неловкими — наверняка от страха, — и запах ее крови распускался вокруг меня облаком, от которого было никуда не деться.

Я стану доказательством, что отец ошибался на мой счет. Горечь этого факта жгла почти так же сильно, как пожар у меня в горле.

Я отклонился от соседки брезгливо, с отвращением к чудовищу, которое жаждало завладеть ею.

С чего ее принесло сюда? Почему она *существует*? Зачем ей понадобилось лишать меня даже той малой частицы покоя, какая была в этой моей не-жизни? Зачем вообще родилось это злополучное человеческое существо? Она меня погубит.

Я отвернулся от нее, едва меня окатила внезапная ненависть, бессмысленная и яростная.

Я не желаю быть чудовищем! Не хочу уничтожать целый класс безобидных детей! Не хочу терять все, чего добился за целую жизнь ценой жертв и лишений!

Не хочу и не буду.

Она меня не заставит.

Загвоздка была в запахе, ужасающе притягательном запахе ее крови. Только бы нашелся способ устоять... только бы повеяло свежим воздухом, чтобы прояснилось в голове.

Белла Свон взмахнула в мою сторону длинными и густыми волосами оттенка темного красного дерева.

Спятила?

Нет, на спасительный ветерок никакой надежды. Но ведь мне же *незачем* дышать.

Я остановил поток воздуха, проходящий через мои легкие. Полегчало мгновенно, но ненадолго. В голове еще сохранились воспоминания об этом запахе, на корне языка — его вкус. Даже так я долго не продержусь.

Жизни всех присутствующих в этом классе грозит опасность, пока в нем находимся вместе она и я. Я должен бежать. Я и *хотел* сбежать, очутиться подальше от исходящего от нее жара и мучительной жгучей боли, но не был на все сто процентов уверен в том, что, если дам волю мышцам, чтобы сдвинуться с места, хотя бы просто встать, не сорвусь внезапно и не устрою уже спланированную бойню.

Однако я, пожалуй, мог бы продержаться примерно час. Хватит ли часа для того, чтобы овладеть собой и двигаться свободно, не бросаясь в атаку? В этом я усомнился, но заставил себя подчиниться. Я *сделаю* так, чтобы часа хватило. Времени как раз достаточно, чтобы убраться из класса, полного жертв, которым, пожалуй, вовсе *незачем становиться* жертвами. Если я сумею продержаться всего один краткий час.

Неудобное это было ощущение — не дышать. Мой организм не нуждался в кислороде, но отсутствие дыхания противоречило инстинктам. В напряженные минуты я полагался на обоняние более, чем на какое-либо из чувств. Оно указывало путь на охоте, оно первым предупреждало об опасности. Мне редко случалось сталкиваться с чем-либо столь же опасным, как я, но инстинкт самосохранения у моего племени так же силен, как у среднестатистического человека.

Неудобно, но терпимо. Все лучше, чем чуют ее и сдерживаться, чтобы не впиться зубами в эту нежную, тонкую, просвечивающую кожу и не прокусить ее до горячей, влажной, пульсирующей...

Час! Всего один час. Нельзя думать о запахе и вкусе.

Молчунья отгородилась от меня волосами, наклонилась вперед так, что концы прядей рассыпались по ее папке. Ее лица я не видел, понять, что она чувствует, по ее глубоким яс-

ным глазам не мог. Неужели это попытка спрятать от меня глаза? Из страха? Застенчивости? Скрытности?

Мое недавнее раздражение, вызванное тем, как наглухо отгорожены от меня ее беззвучные мысли, оказалось слабым и бледным по сравнению с потребностью — и ненавистью, — которые завладели мной теперь. Ибо я ненавидел сидящую рядом хрупкую девушку, ненавидел ее со всем пылом, с которым цеплялся за свое прежнее «я», за мою любовь к семье, за мечты стать лучше, чем я был. Ненависть к ней, ненависть к чувствам, которые она во мне вызвала, немного помогало. Да, прежнее раздражение было слабым, но слегка помогало и оно. Я хватался за любую мысль, способную отвлечь меня, не дать вообразить, какова она была бы на вкус...

Ненависть и досада. Нетерпение. Да когда же он наконец пройдет, этот час?

А когда он истечет... она выйдет из этого класса. И что делать мне?

Если мне под силу обуздать чудовище, убедить его, что промедление стоит того... значит, я мог бы и представиться. *«Привет, я Эдвард Каллен. Можно проводить тебя на следующий урок?»*

Она согласится. Из вежливости. Несмотря на весь страх передо мной, который она наверняка уже ощутила, она следует условностям и зашагает со мной рядом. Увести ее не в том направлении труда не составит. Соседний лес тянется острым, похожим на палец выступом до дальнего угла стоянки. Я мог бы сказать ей, что забыл в машине учебник...

Вспомнит ли кто-нибудь, что именно со мной ее видели в последний раз? Как обычно, идет дождь. Два ученика в темных дождевиках, уходящих не в ту сторону, вряд ли вызовут заметный интерес или выдадут меня.

Вот только сегодня за ней внимательно следят и другие, хоть и не так мучительно, как я. В особенности Майк Ньютон чутко отзывался на каждое смещение веса ее тела, стоило ей поерзать на стуле — ей было неловко сидеть так близко ко мне, как было бы неловко любому, как я и ожидал, пока вся моя доброжелательность не улетучилась от ее запаха. Майк Ньютон непременно заметит, если она покинет класс вместе со мной.

Если я продержусь час, смогу ли протянуть все два?

Я вздрогнул от жгучей боли.

Она вернется из школы в пустой дом. У начальника полиции Свона восьмичасовой рабочий день. Я знал его дом, как знал каждый дом в этом городишке. Он приткнулся прямо у густого леса, другие дома довольно далеко. Даже если она успеет завизжать, а ей ни за что не успеть, никто ее не услышит.

Это и есть способ справиться с ситуацией ответственно. Я обходился без человеческой крови более семидесяти лет. Затаив дыхание, я смогу продержаться два часа. А когда застану ее одну, ни в коем случае никто другой не пострадает. *И нет никаких причин торопиться с этим опытом*, согласилось чудовище у меня в голове.

Не что иное, как казуистика — считать, что спасение двенадцати присутствующих в этом классе ценой усилий и терпения убавит мне чудовищности, когда я убью эту ни в чем не повинную девушку.

Ненавидя ее, я в то же время прекрасно сознавал, что моя ненависть несправедлива. Я понимал, что на самом деле ненавижу самого себя. И возненавижу нас обоих гораздо сильнее, когда она будет мертва.

Так я и держался весь час — коротал время, представляя, как бы получше прикончить ее. Причем старался не рисовать в воображении само *действие*. Такого зрелища я мог и не выдержать. Поэтому лишь разрабатывал стратегию, и не более.

Один раз, уже перед самым концом урока, она украдкой взглянула на меня сквозь зыбкую завесу своих волос. Ничем не оправданная ненависть прожгла меня насквозь, едва я встретился с ней взглядом и увидел в ее испуганных глазах отражение этой ненависти. Кровь окрасила румянцем ее щеку, прежде чем она снова спряталась за волосами, и я едва сдержался.

Но тут грянул звонок. И мы — вот ведь шаблон — были спасены. Она — от смерти. А я, хоть и на краткое время, — от участи жуткой твари, внушающей мне самому страх и отвращение.

Пора было сваливать.

Даже сосредоточив все свое внимание на простейших действиях, я не сумел передвигаться так медленно, как следовало бы, и вылетел из класса стрелой. Если бы за мной кто-нибудь

наблюдал, мой уход мог бы навести на подозрения. Но никто не обращал на меня ни малейшего внимания; мысли всех присутствующих по-прежнему вертелись вокруг девушки, обреченной умереть чуть позже, чем через час.

Я спрятался в своей машине.

Думать о том, что я прячусь, было неприятно. Выглядело это как трусость. Но мне с трудом хватало выдержки, чтобы находиться среди людей. На то, чтобы не убить *одного* из них, понадобилось слишком много стараний, в итоге у меня просто не осталось сил, чтобы противостоять остальным. Какое расточительство. Если бы уж я поддался чудовищу, то воспользовался бы поражением по полной.

Я включил диск, который обычно успокаивал меня, но теперь почти не подействовал. Нет, если что и помогло, так это прохладный сырой воздух, залетавший вместе с легкой изморосью в открытые окна. И хотя я предельно ясно помнил запах крови Беллы Свон, вдыхать этот чистый воздух было все равно что промывать изнутри тело, зараженное ее запахом.

Я снова был в здравом уме. Вновь мог мыслить. И бороться. Я был способен бороться с тем, чем не желал быть.

Мне не обязательно являться к ней домой. Не обязательно убивать ее. Все всяких сомнений, я — разумное, мыслящее существо, и у меня есть выбор. Выбор есть всегда.

В классе мне казалось иначе, но теперь я находился далеко от нее.

Мне *незачем* расстраивать отца. Незачем вызывать у матери стресс, тревогу... боль. Да, я ранил бы и мою приемную мать. А она такая ласковая, нежная и любящая. Причинять страдания такому существу, как Эсме, поистине непростительно.

Возможно, если я буду как можно старательнее избегать эту девушку, мне не понадобится менять свою жизнь. Все в ней устроено так, как мне нравится. Так зачем допускать, чтобы какое-то злополучное и аппетитное ничтожество испортило ее?

Забавно, а я-то еще рвался уберечь эту человеческую девушку от жалкой, беззубой угрозы, которую представляли ехидные мысли Джессики Стэнли. Да я годился на роль защитника Изабеллы Свон меньше, чем кто-либо другой. Ни от чего она не нуждалась в защите так остро, как от меня.

Где же Элис, вдруг спохватился я. Неужели она не видела, как я убиваю эту девушку, Свон, множеством способов? Почему не пришла ко мне на помощь — не важно, чтобы остановить меня или помочь замести следы? Или она была настолько занята предчувствием неприятностей для Джаспера, что упустила из виду гораздо более ужасную вероятность? Или же я сильнее, чем мне казалось? И на самом деле ничего бы этой девушке не сделал?

Нет. Я же сам знал, что это неправда. Видимо, Элис сосредоточила все свое внимание на Джаспере.

Я поискал сестру, зная, что она должна быть в небольшом корпусе, где проходили уроки английского. Мне не понадобилось много времени, чтобы уловить ее знакомый мысленный голос. И я оказался прав. Все ее помыслы были направлены на Джаспера, она придирчиво изучала каждый выбор, который он мог совершить, вплоть до самых незначительных.

С одной стороны, жаль, что нельзя спросить у нее совета, но с другой стороны, даже хорошо, что она не узнала, на что я был способен. Меня пронзила насквозь новая обжигающая волна — стыд. Лучше бы о случившемся не узнал никто из наших.

И если я смогу избежать Беллу Свон, если умудрюсь не убить ее — от этой мысли чудовище во мне скорчилось и заскрежетало зубами в досаде, — тогда никому знать и незачем. Только бы мне держаться подальше от ее запаха...

Во всяком случае, нет причин не попробовать. Сделать правильный выбор. Попытаться вести себя так, как я должен, по мнению Карлайла.

Последний час пребывания в школе почти истек. Я решил привести свой план в исполнение немедленно. Все лучше, чем сидеть здесь, на стоянке, где она может пройти мимо и загубить мою попытку. Во мне вновь вспыхнула несправедливая ненависть к этой девушке.

Быстро — чуть быстрее, чем следовало, но меня никто не видел, — я зашагал через крошечный кампус к административному корпусу.

Там было пусто — если не считать секретаря, которая не заметила моего бесшумного появления.

— Мисс Коуп?..

Женщина с неестественно рыжими волосами подняла глаза и вздрогнула. Людей всегда застают врасплох мелочи, наши отличительные признаки, которых они не понимают, сколько бы раз ни встречались с нами.

Она невольно вздохнула и слегка смутилась. Оправила юбку. «Дура, — мысленно выругала себя. — Он же тебе в сыновья годится».

— Привет, Эдвард, чем могу помочь? — Ее ресницы затрепетали за толстыми стеклами очков.

Неловкость. Но я умел быть обаятельным, когда хотел. Это просто, ведь я мгновенно узнавал, как восприняты каждый мой оттенок интонации или жест.

Я подался вперед, встретился с ней взглядом так, будто заглядывал в самую глубину ее тускло-карих глаз. Мысленно она уже трепетала. Наверняка труда не составит.

— Я только хотел узнать, не поможете ли вы мне с расписанием, — произнес я мягким голосом, который приберегал для людей, чтобы не пугать их.

Стало слышно, как ее сердце ускорило бег.

— Конечно, Эдвард. Чем я могу тебе помочь?

«Слишком молод, слишком молод», — твердила она себе. И, само собой, ошибалась. Я старше ее деда.

— Я хотел спросить, нельзя ли мне поменять уроки биологии на какой-нибудь курс естественных наук для выпускного класса. На физику, к примеру?

— Проблемы с мистером Баннером, Эдвард?

— Никаких, просто я уже изучал этот материал...

— В той школе с обучением по ускоренному методу, в которую все вы ходили на Аляске. Ясно, — поджав тонкие губы, об этом она и задумалась. «Им всем самое место в колледже. Учителя жалуются, я сама слышала. Средний балл аттестата — твердая четверка, ответы абсолютно без запинки, ни единой ошибки в тестах — как будто они нашли какой-то способ жульничать по каждому предмету. Мистер Варнер скорее поверит, что все списывают на тригонометрию, чем предположит, что ученик умнее его. Готова поспорить, что с ними занимается мать...» — Знаешь, Эдвард, вообще-то на физике уже почти битком. Мистер Баннер терпеть не может, когда в классе больше двадцати пяти учеников...

— Со мной неприятностей не будет.

«Еще бы они были с кем-то из идеальных Калленов!»

— Это я знаю, Эдвард. Но так или иначе, мест просто не хватит...

— В таком случае можно мне пропускать этот урок? Вместо него я мог бы заниматься самостоятельно.

— Пропускать биологию? — У нее невольно открылся рот. «Ничего себе. Да что в этом сложного — отсидеть предмет, который уже знаешь? Наверняка что-то не так с мистером Баннером». — Тебе не хватит баллов для аттестата.

— Наверстаю в следующем году.

— Лучше бы тебе сначала обсудить этот вопрос с родителями.

Позади меня открылась дверь, но кто бы это ни был, обо мне он не думал, так что я, не оборачиваясь, сосредоточил все внимание на мисс Коуп. Я придвинулся к ней ближе и еще пристальнее и глубже заглянул ей в глаза. Способ сработал бы успешнее, будь мои глаза сегодня не черными, а золотистыми. Чернота пугает людей, как и должно быть.

Мой просчет подействовал на женщину. Она отпрянула, озадаченная конфликтом своих инстинктов.

— Ну пожалуйста, мисс Коуп! — зашептал я вкрадчиво и убедительно, как только смог, и ее мгновенная неприязнь улетучилась. — Неужели не найдется другого курса, на который я мог бы переключиться? Наверняка хоть где-нибудь да есть свободное место. Не может быть, чтобы не нашлось других вариантов, кроме биологии шестым часом...

Я улыбался ей, стараясь поменьше показывать зубы, чтобы не напугать ее снова, и смягчив выражение лица.

Ее сердце забилося быстрее. «Слишком молод», — лихорадочно напомнила она себе.

— Ладно уж, поговорю с Бобом... то есть с мистером Баннером. Посмотрим, получится ли...

Всего секунда понадобилась, чтобы изменилось все: атмосфера в комнате, цель моего прихода сюда, причина, по которой я придвинулся к рыжеволосой женщине... Все, что раньше было сделано ради одной цели, теперь служило другой.

Всего секунда понадобилась Саманте Уэллс, чтобы войти в комнату, положить подписанную записку об опоздании

в проволочный лоток и юркнуть за дверь, желая поскорее удрать из школы. Внезапный порыв ветра ворвался в открытую дверь, обрушился на меня, и я понял, почему первая из вошедших сюда девчонок не помешала мне своими мыслями.

Я обернулся, хотя и не нуждался в подтверждениях.

Белла Свон стояла у двери, вжавшись спиной в стену и комкая в руках какую-то бумажку. Ее глаза раскрылись еще шире при виде моего свирепого, нечеловеческого взгляда.

Запахом ее крови пропиталась каждая частица воздуха в тесной и душной комнатухе. У меня в горле вспыхнул пожар.

Из зеркала ее глаз на меня вновь зыркнуло чудовище, маска исчадия зла.

Моя ладонь зависла в воздухе над стойкой. Мне не понадобилось бы оборачиваться, чтобы протянуть руку и убить мисс Коуп, впечатав ее головой в стол. Две жизни, отнятые вместо двадцати. Обмен.

Изнывая от голода, чудовище в напряжении ждало, когда я так и поступлю.

Но выбор есть всегда — *должен* быть.

Я прервал движения легких, зафиксировал перед мысленным взором лицо Карлайла. Снова повернулся к мисс Коуп и услышал, как она внутренне удивилась перемене на моем лице. И отшатнулась от меня, но ее испуг не был облечен в связные слова.

Призвав на помощь все умение владеть собой, усвоенное за десятки лет воздержания, я сделал звучание своего голоса ровным и плавным. Воздуха в легких осталось ровно столько, чтобы скороговоркой произнести еще несколько слов.

— Нет так нет. Понимаю, это невозможно. Большое вам спасибо за помощь.

Круто повернувшись, я вылетел из комнаты, стараясь не замечать тепло крови, исходящее от тела девушки, на расстоянии нескольких дюймов от которой я прошел.

Я не останавливался, пока не достиг машины, и всю дорогу до нее двигался слишком быстро. Большинство учеников уже разъехались, так что свидетелей нашлось немного. Я услышал, как Ди-Джей Гарретт из класса второго года обучения заметил неладное, но не придал этому значения.

«А Каллен откуда тут взялся? Будто возник из воздуха. Ну вот, опять у меня разыгралась фантазия. Мама вечно твердит...»

Когда я скользнул за руль своего «вольво», оказалось, что остальные уже ждут меня, сидя в машине. Я старался дышать ровно, но хватал свежий воздух ртом так, будто задыхался.

— Эдвард?.. — с тревогой в голосе спросила Элис.

Я только помотал головой, взглянув на нее.

— Что еще за хрень у тебя стряслась? — потребовал ответа Эмметт, ненадолго отвлекаясь от мыслей о том, что Джаспер не в настроении устраивать матч-реванш.

Вместо ответа я перешел на заднюю передачу. Мне не терпелось покинуть стоянку, пока сюда вслед за мной не явилась и Белла Свон. Мой личный демон-мучитель... Я развернулся и прибавил скорость. До сорока миль я разогнался, еще не успев выехать со стоянки, до семидесяти — раньше, чем свернул за угол улицы.

Я не оглядывался, но и без этого знал, что Эмметт, Розали и Джаспер дружно уставились на Элис. Она пожала плечами. Видеть прошлое она не могла, только то, что еще предстояло.

На этот раз в будущее она заглянула по моей просьбе. Мы оба попытались осмыслить то, что она видела мысленным взором, и оба изумились.

— Уезжаешь? — шепотом спросила она.

Теперь остальные вытаращились на меня.

— Да ну? — огрызнулся я сквозь зубы.

После чего она увидела, как моя решимость поколебалась, и совсем другой выбор направил мое будущее по более темному пути.

— Ох.

Белла Свон — мертвая. Мои глаза, налитые багрянцем свежей крови. Поиски, а они непременно последуют. Время, которое нам придется старательно выждать, прежде чем будет безопасно покинуть Форкс и начать все заново...

— Ох... — повторила она. Картина обрастала подробностями. Я впервые увидел, как выглядит внутри дом начальника полиции Свона, увидел Беллу в тесной кухоньке с желтыми шкафами: я следил за ней из тени, она стояла, повернувшись ко мне спиной, и запах так и тянул меня к ней...

— Стоп! — тяжело вздохнул я, не в силах больше вынести ни секунды.

— Извини, — шепотом откликнулась Элис.

Чудовище возликовало.

Тем временем видения в голове снова сменились. Пустое ночное шоссе, вдоль него деревья в снегу, мелькающие на скорости под двести миль в час.

— Я буду скучать по тебе, — призналась Элис. — На какой бы короткий срок ты ни уехал.

Эмметт и Розали встревоженно переглянулись.

К тому времени мы уже приблизились к повороту на длинную подъездную дорожку, ведущую к нашему дому.

— Высади нас здесь, — распорядилась Элис. — Сообщить Карлайлу ты должен сам.

Я кивнул и резко остановил взвизгнувшую тормозами машину.

Эмметт, Розали и Джаспер вышли молча; объяснения из Элис они вытянут, когда я уеду. Элис тронула меня за плечо.

— Ты все сделаешь как надо, — пробормотала она. Это было не видение — приказ. — Она — единственный близкий человек Чарли Свона. Это убило бы и его.

— Да, — отозвался я, соглашаясь только с последними словами.

Элис выскользнула из машины вслед за остальными, тревожно сдвоя брови. Вчетвером они растворились в лесу, скрывшись из виду еще до того, как я успел развернуть машину.

Устремляясь обратно в Форкс и разгоняясь до девяноста, я знал, что видения в голове Элис, яркие, как вспышки стробоскопа, будут то и дело возникать и погружаться во мрак. Я не совсем представлял, куда еду. Попрощаться с отцом? Признать чудовище у меня внутри и подчиниться ему? Из-под моих шин улетало прочь шоссе.